

УДК 323.1

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.42>

Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама¹

А. В. Бритвин, М. В. Козлов*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Основываясь на анализе положений Священных книг, осуществленном в религиозно-ведческих и политологических научных работах, и используя методы функционализма и системного анализа, авторы защищают тезис о том, что уникальность России заключается не только в особом историко-географическом расположении, в соединении качеств Запада и Востока, но также и в развитии религиозных традиций. Гарантом величия страны является уважение традиций и культур народов, населяющих необъятную территорию России, вне зависимости от этнической и религиозной составляющих. Отмечается, что в этой связи модель государственно-религиозных отношений в концепции партнерского сотрудничества государства и религиозных объединений при соблюдении конституциональных основ, обеспечения принципа обособленности, невмешательства и равноудаленности религиозных объединений от государства в условиях религиозно-политического синкретизма должна строиться на оптимальных партнерских взаимоотношениях и упрочении социально-общественной стабильности в регионе.

Ключевые слова: религиозно-политический синкретизм, Дагестан, Чечня, ислам, национальная политика, господствующая идеология.

Для цитирования: Бритвин А. В., Козлов М. В. Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 42–50. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.42>

Original article

Ideological Framework of Ethno-Confessional Policy in the North Caucasus and the Syncretization of Islam

A. V. Britvin, M. V. Kozlov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. The problem of creating optimal harmonious state-religious relations in the North Caucasus region was one of the main in the historical period of Russia. It also has a high significance in modern Russian public discourse. The authors based on the analysis of the provisions of the Holy Books in religious and political scientific works, and used the methods of functionalism and system analysis.

¹ В рамках подготовки статьи были проведены интервью с ингушским богословом Магомедом Харсиевым, чеченским философом Вахитом Акаевым, помощником муфтия Дагестана Мухаммадом Магомедовым и заведующим отделением кафедры ЮНЕСКО ДГУ Гюльчохрой Сеидовой. См. подробнее: URL: igsu.ranepa.ru/news/p184967.

The authors of the article argue the thesis that the uniqueness of Russia lies not only in a special historical and geographical location, in the combination of the qualities of the West and the East, but also in the development of religious traditions. National tradition and culture's consideration of all large territory of Russia, its ethnic and religious components, is the guarantee of greatness of the country. In this regard, the model of state-religious relations in the concept of partnership between the state and religious organizations must be based on the constitutional foundations, on the principles of severalty, non-intervention and equidistance of religious organizations from the state. In conditions of religious and political syncretism, this model must be based on optimal partnerships and strengthening social and political stability in the region.

Keywords: religious and political syncretism, Dagestan, Chechnya, Islam, national policy, dominant ideology.

For citation: Britvin A.V., Kozlov M.V. Ideological Framework of Ethno-Confessional Policy in the North Caucasus and the Syncretization of Islam. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 42-50. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.42> (in Russian)

Религия с древнейших времен, помимо прочего, была успешным инструментом консолидации общества, играла первенствующую роль в становлении государства и была неотъемлемым фактором сохранения национально-культурной общности. Наряду с определяющим влиянием православной традиции на формирование и развития Российского государства правовые и социальные системы ислама также внесли свой весомый вклад в его идеологический фундамент.

Этноконфессиональный мир в России базируется на нравственных принципах традиционных религий, готовность к защите которых государство демонстрирует вплоть до применения силы. Государственная национальная политика России реализуется в первую очередь в соответствии с Конституцией РФ², Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях»³ и Стратегией государственной национальной политики РФ⁴. Основными положениями обозначенных правовых актов поддерживаются формы реализации интересов всех народностей страны. При условии соблюдения закрепленных в данных документах прав и свобод должно обеспечиваться общероссийское духовно-нравственное становление.

Государственная вероисповедная политика на протяжении всего периода присоединения Северного Кавказа к России корректировалась и преобразовывалась, порой кардинально, с учетом ситуации в регионе и воздействия внутренних и внешних факторов. Ввиду существовавшей в Российской империи особенности, связанной с господствовавшей православной идентичностью, народы, исповедовавшие инославные религии, ущемлялись в правах и свободах. Однако со времен Екатерины II на присоединенных территориях государство обязалось охранять и защищать храмы мусульман и их «природную» веру.

---

² Конституция РФ (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Главным затруднением политики государственной власти в первой половине XIX в. стала гармонизация отношений горского населения и православных. После окончания Кавказской войны в 1864 г. горские народы ждали от государственной власти установления их частной администрации. В этой связи был введен институт царского наместничества, а судебные дела рассматривались не только по обычному праву, но и по шариату.

Принятие закона «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) являлось вынужденной мерой проведения либеральных реформ в сфере государственной вероисповедной политики. Развитие свободомыслия в стране ускорило после революционного переворота в 1917 г. и издания Временным правительством норм «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», упразднявших ограничения в политической, миграционной, образовательной и профессиональной сферах. Но нежелание правительства реализовывать государственную вероисповедную политику в русле новых законодательных преобразований и кризис монархической модели привели к развитию сепаратистских движений.

Устранение религиозной идеологии путем упразднения институтов религии для советской власти явилось принципиальным условием становления новой политической системы. Эти и другие действия советской власти к осени 1920 г. привели к открытым локальным вооруженным восстаниям на Кавказе, которые были подавлены ценой крупных жертв ввиду отсутствия единого управления очагами сопротивления местного населения. Активное истребление религиозных лидеров, повсеместное закрытие мечетей, медресе провоцировали возникновение подпольных религиозных организаций. Ситуация на территории Чечни имела характер противостояния представителей власти и социума. Зимой 1944 г., в условиях сложной ситуации на фронте, была проведена массовая депортация чеченцев и ингушей.

В послевоенный период вопреки стараниям регионального руководства с периодическим постоянством проводились третейские шариатские суды, в результате чего влияние традиционного кавказского суфизма лишь усиливалось. Авторитет религиозных лидеров для северокавказского общества остался непрекаем.

После реализации политики перестройки М. С. Горбачева и принятия нового курса на свободу вероисповеданий были сняты ранее установленные ограничения в деятельности религиозных организаций. В 1989 г. была создана Исламская партия Возрождения – вторая после КПСС политическая партия СССР. Духовные лидеры были избраны депутатами Государственной Думы. Однако впоследствии Федеральный закон «О политических партиях»⁵ от 2000 г. ввел запрет на создание партий по признакам национальной и религиозной принадлежности.

Консолидация на почве этнической и национальной принадлежности – одна из первенствующих форм организации общества [4]. Взаимодействие

---

⁵ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

идеологической пропаганды, использующей этнический фактор, с воспитательной, просветительной, культурной, эстетической и этической деятельностью характеризует идеологию как элемент, пронизывающий ведущие сферы общественных отношений.

Ислам занимает свое законное место в культуре России наряду с другими мировыми религиями. Историко-культурное наследие и преемственность ислама играют важную роль в формировании и поддержании межнациональной и межконфессиональной, а также гражданско-политической стабильности российского общества. История ислама имеет более чем тысячелетний опыт межнационального взаимодействия. В ней было разное, но современные российские духовные управления отстаивают установки как уважения национальной идентичности, так и объединяющей роли религии. Среди основных религиозных установок популяризируется почтительность, уважение к культурам и этническим своеобразиям.

Общественные инициативы российской уммы касаются межкультурного и межконфессионального диалога, патриотического воспитания молодежи, теологического обоснования нравственных установок, а также уважения к этнокультурным меньшинствам. Виднейшие исламские управления России стремятся распространить свое влияние среди мусульман самых разных регионов страны. В связи с этим наряду с организационными вопросами централизованных религиозных организаций поднимаются вопросы, касающиеся социально-политических функций.

Собственно, ислам как мировая религиозная традиция неразрывно связан с особым социально-политическим учением. Соответствующие общественные нормы и положения опираются на Коран и Сунну. Согласно религиозному представлению источником законотворческой деятельности является Бог, он же благословляет законную власть.

Ислам с момента своего появления стал мощной политической консолидирующей силой. Умма времен пророка Мухаммада руководствовалась строгими социальными нормами. Сплочение мусульман происходило через братское отношение друг к другу и стремление к нравственным идеалам и подвигам во имя веры и общественного блага.

Ислам развивался как общественная система, защищающая частную собственность, имеющая рыночные механизмы и одновременно строго следящая за справедливым распределением ресурсов. В то же время материальное неравенство остается социально-экономической проблемой многих преимущественно исламских регионов. Детальное регулирование семейно-общественных отношений отражено в шариате.

Шариатом как масштабным комплексом религиозных предписаний устанавливались не только правовые основы регулирования общественных отношений, но и отношения мусульманина с собственной совестью. Первый и главный принцип Корана – таухид, или единобожие. Помимо него, есть еще пять принципов (столпов), касающихся веры в ангелов, Коран и Сунну, посланников и пророков, посмертный суд и Божественное предопределение. Нормы шариата, которые поощряют или осуждают то или иное поведение,

проистекают из Корана и Сунны. Мусульманин должен соблюдать шариат, так как не только лишь вера, но и исполнение религиозного закона относят человека к части мусульманской уммы. Отступление от вышеуказанных принципов делает человека неверующим (кяфиром).

История ислама знает примеры успешного воспитания общечеловеческих ценностей в глубокой вере. Российские исламские духовные управления придерживаются почтительного и уважительного отношения к представителям других религий и национальностей. Идеалы справедливости и милосердия ставятся во главу угла для всех. Данные положения в том числе основываются на следующих пассажах Корана: «О вы, кто верует! Свидетельствуя пред Аллахом, Вы будьте стойко-справедливы. И пусть их неприязнь к вам не отклонит вас от (решений) справедливых. Блюдите (строго) справедливость, – ведь это ближе к благочестию (стоит). Страшитесь разгневать Аллаха, – Поистине, Он сведущ в том, что делаете вы... И ты увидишь, что из всех людей сильнее всех вражда к уверовавшим (в Бога) многобожников и иудеев. И, несомненно, ты найдешь, что ближе всех в любви к уверовавшим те, кто говорит: мы – назореи. И это потому, что среди них есть иереи и монахи, которые гордыни лишены (и не возносятся перед другими)» [6, с. 122, 136].

Ислам начал проникать на Кавказ в VII–XI вв. в итоге арабских походов. Древнейшие кавказские мечети сохранились на юге Дагестана. С этого региона ислам стал успешно распространяться на территории современной Чечни, а позже и на всем Северном Кавказе. Поначалу будучи религией племенных военных вождей, ислам вскоре глубоко проник в быт сельской глубинки. Местные традиции (адаты) вошли в синтез с особым пониманием мироздания, арабской философией и поэтической мыслью персов. После длительного периода изменений ислам на Кавказе получил своеобразный национальный колорит [7].

В настоящее время главной особенностью северокавказского ислама является суфизм (тасаввуф). Он сильно отличается от того, что принято называть традиционным исламом на Востоке. На территории Кавказа именно ислам суфийского толка глубоко укоренен в сознании полиэтнического населения и поэтому наиболее традиционен.

Из основных черт суфизма можно выделить аскетические практики, строгую внутреннюю иерархию (вплоть до беспрекословного подчинения), поэтическую мистику, общественное поощрение разрешенного (халяль) и порицание запретного (харам). Также для суфизма характерен «культ бедности (факр), эсхатологические и покаянные настроения, удовлетворенность своей земной долей (рида), стойкое перенесение страданий и лишений (сабр)» [5, с. 225].

Суфийские братства весьма многочисленны. Их иерархическую вершину занимают шейхи-наставники. Тарикат в аутентичном смысле обозначает религиозный путь. В институциональном плане он подразделяется на вирды, включающие представителей разных этносов, тейпов (родов) и тукхумов (родовых союзов).

Новый член тариката обязан принести клятву верности своему братству и шейху. Обряд посвящения в суфизме обладает мистическим характером. Как правило, он имеет строгую обрядовую форму и служит как бы допуском

к близкому кругу шейха-наставника, к совершению коллективных молитв (намазу) и ритуальных танцев (зикру). Обязанностью членов тариката (мюридов) служит строгое повиновение главе вирда (устазу). Таким образом, суфизм представляет собой иерархическую структуру с жесткой субординацией. Каждый мюрид должен открывать устазу свои религиозно порицаемые поступки, вплоть до дурных мыслей. Посмертное почитание авлия (друзей Божиих), в основном устазов, паломничества (зияраты) в месяц Рамадан к их захоронениям также имеет свои местные особенности на Кавказе [12].

Общество представляет собой сложную развивающуюся систему, подверженную изменениям, которые происходят под влиянием не только материальных, но и духовных факторов. Эти изменения затрагивают как межличностный, так и межгрупповой и межнациональный уровни. В целом шариат регламентирует и то, и другое, и третье. Разнообразные общественно значимые постановления (фетвы) российских исламских управлений и их проповедническая деятельность направлены на обеспечение мирных и гармоничных разноуровневых общественных взаимоотношений.

Сам ислам, и в особенности его общественно-политическая составляющая, является основой стабильности северокавказского общества. А межнациональный и межконфессиональный мир выступает главным условием развития в регионе. Описанная выше сложная этнорелигиозная структура Северного Кавказа нуждается во взвешенной и мудрой политике по обеспечению гражданского единства, национального согласия, в особенности при проведении социально-экономических преобразований [9].

Современное северокавказское общество, в отличие от населения центральных российских регионов, незначительно затронуто секуляризацией, поэтому политизация религиозной сферы здесь часто приводит к так называемому исламизму. По мнению исламоведа Л. А. Баширова, исламизм «вобрал в себя протестные слои верующего населения, которые были недовольны конформизмом тарикатских лидеров, тесно связанных с политической элитой и коррумпированной властью» [3, с. 137].

Религиозные и политические процессы зачастую могут быть взаимозависимы. Духовная жизнь отражается в религиозном комплексе, который включает представления об отношениях Бога и человека, психологический аспект этнорелигиозного сознания, культово-ритуальную практику и религиозные институты. В историческом процессе социально-политических изменений институциональные элементы религиозного комплекса и даже теологические положения подвергаются трансформациям. Религиозная иерархическая структура способна влиять и на формирование социально-политической вертикали власти, что явно прослеживается на Северном Кавказе, где религиозная иерархия составляет основу иерархизации самого социума. Поэтому крайние проявления исламизма особенно опасны для региона. Подмена религиозных истин и смыслов новыми политическими идеями и идеологемами приводит к формированию квазирелигиозных групп и развитию влияния религиозно-политических синкретических образований.

Развитие в регионе определенных социально-политических установок широко практикуется через использование доктрин ислама в качестве политических идеологем. Традиционное коллективистское настроение общества, его этнорелигиозное сознание в кавказских республиках, укорененное в чувстве личной ответственности за свой тарикат, вирд, тукхум, тейп и семью, является фактором успешного использования религии для достижения политических целей. Также исключительным влиянием обладают устазы и советы старейшин (алимов). Их решения носят безоговорочный характер и практически не подвержены критике. Основное трение здесь происходит в отношении узкоэтнических адатов и универсального шариата [8].

Многочисленные этносы Дагестана, представляющие собой суфийские тарикаты накшбандия, кадирия и шазилия, причисляют себя к шафиитской школе (мазхабу) суннизма. Однако на юге Дагестана также отмечен и шиизм, более характерный для приграничного Азербайджана. Тасаввуф Чечни представлен тарикатами накшбандия и кадирия.

В Чечне получило широкое развитие почитание наследия шейха кадирийского тариката Кунта-Хаджи Кишиева, в Дагестане – шейха накшбандийского тариката имама Шамиля. Во время объявленной Шамилем религиозной войны (газавата) России в XIX в. шейх Кишиев стал известен призывами к прекращению конфликта с царскими войсками [10]. Его мирные проповеди, привлекая значительное число кавказских горцев, обернули против него силы Шамиля. Угрозы лишения жизни вынудили шейха Кишиева покинуть Кавказ и проводить жизнь в лишениях и аскетических практиках. Он смог вернуться на Кавказ уже после пленения Шамиля. История шейха Кишиева во многом имеет сходство с противодействием вооруженным сепаратистским волнениям в Чечне шейхом кадирийского тариката муфтием Чечни А. А. Кадыровым, ставшим в 2003 г. первым президентом этой республики.

Современный чеченский философ В. Х. Акаев, ссылаясь на А. А. Кадырова, выступает против идеологии и практики исламизма и вместе с тем фиксирует синкретизм этнической и религиозной идентичностей чеченцев: «Мы сначала являемся чеченцами, а потом мусульманами» [1, с. 32]. Исторический груз тяжелейших коллективных травм XX в., включая Великую Отечественную войну, депортацию чеченцев и ингушей 1944 г. и чеченские войны конца XX – начала XXI в., наглядно показал опасность пренебрежения этнорелигиозными традициями кавказских народов. Активное участие чеченских и дагестанских политиков и вооруженных сил в активизации конфликта на Юго-Востоке Украины в 2022 г. и демонстративное придание религиозному ostracismu противников российской военной спецоперации стало очередной проверкой на прочность этнорелигиозной сферы, нарушение баланса которой может оказать разрушительный эффект на всю систему общественных отношений региона. Прежде всего это касается молодежи, так как социальные практики уже в ближайшем будущем будут зависеть от восприятия духовного наследия подрастающим поколением [2, с. 22].

Неповторимое сочетание множества различных этносов Северо-Восточного Кавказа не только является причиной взаимодействия различных тради-

ций, культур, менталитетов, но и оказывает влияние на религиозную специфику. Трансформация государственно-религиозных отношений в регионе в различные исторические периоды проходила не без эскалации этнорелигиозной напряженности и конфликтов. Вместе с тем прослеживалась тенденция к сращиванию институтов государственной власти и религиозных организаций. Все более видимые очертания приобретает религиозно-политический синкретизм.

Важным условием стабильности социально-политических процессов представляется исключение политизации религиозного фактора. Необходимо добиться оптимальных партнерских взаимоотношений государства и религиозных объединений и упрочить социально-общественную стабильность в регионе. Достижение такого сотрудничества возможно посредством соблюдения конституционных принципов свободы совести и вероисповедания человека и гражданина независимо от номенклатурных тенденций в социально-политической сфере [11]. Равноудаленность религиозных объединений от государства, четкое разделение предметов ведения государства и религиозных объединений и практика равной правосубъектности для религиозных объединений в условиях религиозно-политического синкретизма обеспечат условия для нивелирования политизации религиозной сферы и сглаживания межэтнических противоречий.

Список литературы

1. Акаев В. Х. Исламское возрождение в Чеченской Республике. Грозный : Грознен. рабочий, 2011. 47 с.
2. Акаев В. Х., Нанаева Б. Б. Экстремизм и терроризм в молодежной среде: противодействие средствами мобилизации этнокультурных ценностей. Махачкала : АЛЕФ, 2020. 38 с.
3. Баширов Л. А. Ислам в контексте этнополитических процессов современной России. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2008. 243 с.
4. Боков Х. Х., Алексеев С. В. Российская идея и национальная идеология народов России. М. : Профиздат, 1996. 96 с.
5. Ислам : энцикл. слов. / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров. М. : Наука, 1991. 315 с.
6. Кора. Сура 5 «Аль-Маида», аяты 8, 82. н / пер. смыслов и коммент. И. В. Пороховой. М. : РИПОЛ-классик, 2010. 693 с.
7. Малащенко А. В. Северный Кавказ: исламский фактор // Свободная мысль – XXI. 2001. № 9. С. 6–22.
8. Мухаммад Ю. Х. Тарикат в свете Корана и Сунны. М. : Ансар, 2012. 480 с.
9. Мчедлова М. М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире: внутрисударственный и международно-политический аспекты. 2015. № 1. С. 93–102.
10. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. : РОССПЭН, 2000. 511 с.
11. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Сретен. монастыря, 2019. 877 с.
12. Эскерханов Г. Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика : дис. ... канд. филос. наук. Грозный, 2011. 185 с.

References

1. Akaev V.Kh. *Islamskoe vozrozhdenie v Chechenskoj Respublike* [Islamic revival in the Chechen Republic]. Grozny, 2011, 47 p. (in Russian)
2. Akaev V.Kh., Nanaeva B.B. *Ekstremizm i terrorizm v molodezhnoj srede: protivodejstvie sredstvami mobilizacii etnokulturnyh cennostej* [Extremism and terrorism in the youth environment: counteraction by means of mobilization of ethno-cultural values]. Makhachkala, 2020, 38 p. (in Russian)

3. Bashirov L.A. *Islam v kontekste etnopoliticheskikh processov sovremennoj Rossii* [Islam in the Context of Ethnopolitical Processes in Modern Russia]. Moscow, 2008, 243 p. (in Russian)
4. Bokov Kh.Kh., Alekseev S.V. *Rossijskaya ideya i nacionalnaya ideologiya narodov Rossii* [Russian idea and national ideology of the peoples of Russia]. Moscow, 1996, 96 p. (in Russian)
5. Miloslavsky G.V., Petrosyan Yu.A., Piotrovsky M.B., Prozorov S.M. *Islam: enciklopedicheskij slovar'* [Islam: an encyclopedic dictionary]. Moscow, 1991, 315 p. (in Russian)
6. *Koran. Perevod smyslov i kommentarii I. V. Porohovoj* [Koran. Translation of meanings and comments by I. V. Prokhorova]. Sura 5 "Al-Maida", Ayat 8, 82. Moscow, 2010, 693 p. (in Russian)
7. Malashenko A.V. *Severny Kavkaz: islamsky faktor* [North Caucasus: The Islamic factor]. *Svobodnaya mysl' – XXI* [Svobodnaya thought – 21], 2001, no. 9, pp. 6-22. (in Russian)
8. Muhammad Yu.Kh. *Tarikat v svete Korana i Sunny* [Tarikat in the light of the Qur'an and Sunnah]. Moscow, 2012. 480 p.
9. Mchedlova M.M. *Islam i edinstvo rossijskogo obshchestva: sovremennost' i istoricheskij opyt* [Islam and the unity of Russian society: modernity and historical experience]. *Islam v sovremenno mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty* [Islam in the modern world: domestic and international political aspects], 2015. no. 1, pp. 93-102. (in Russian)
10. Pokrovsky N.I. *Kavkazskie vojny i imamat SHamilya* [Caucasian wars and the imamate of Shamil]. Moscow, 2000, 511 p. (in Russian)
11. Shakhov M.O. *Pravovye osnovy deyatelnosti religioznykh ob"edinenij v Rossijskoj Federacii* [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation]. 3rd ed., revised. and addition. Moscow, 2019, 877 p. (in Russian)
12. Eskerhanov G.L. *Sufizm na Severo-Vostochnom Kavkaze: vozniknovenie, ideologiya, praktika: specialnost* [Sufism in the North-Eastern Caucasus: emergence, ideology, practice: speciality]. Cand. sci. diss. Grozny, 2011, 185 p. (in Russian)

Сведения об авторах

Бритвин Алексей Валентинович

магистр государственного управления,
аспирант
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Российская Федерация, 115404, г. Москва,
пр-т Вернадского, 82
e-mail: britvin.av-post@mail.ru

Козлов Михаил Владимирович

кандидат политических наук,
администратор программы, факультет
международного регионоведения и
регионального управления
Институт государственной службы и
управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 115404, г. Москва,
пр-т Вернадского, 82
e-mail: mv.kozlov@igsu.ru
ORCID: 0000-0003-4628-7249

Information about the authors

Britvin Aleksey Valentinovich

Master of Public Administration, Postgraduate
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
82, Vernadskiy ave., Moscow, 115404,
Russian Federation
e-mail: britvin.av-post@mail.ru

Kozlov Mikhail Vladimirovich

Candidate of Sciences (Politics), Program
Administrator of the Faculty of International
Regional Studies and Regional Administration
of the Institute of Public Administration and
Civil Service of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
82, Vernadskiy ave., Moscow, 115404,
Russian Federation
e-mail: mv.kozlov@igsu.ru
ORCID: 0000-0003-4628-7249

Статья поступила в редакцию **03.08.2022**; одобрена после рецензирования **29.08.2022**; принята к публикации **30.11.2022**.
The article was submitted **August, 03, 2022**; approved after reviewing **August, 29, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**